ОТ ПРАВОСУДИЯ К ПРОИЗВОЛУ*

(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ)

Руководство Прокуратуры СССР поменялось. Прежнего Прокурора СССР И.А. Акулова, арестованного НКВД по сфабрикованному, стандартному для тех времен обвинению, сменил А. Вышинский. Тот самый, который стоял у истоков создания методики расследования контрреволюционных преступлений на базе дела Николаева и других заговорщиков, осуществивших убийство С.М. Кирова. Новому Прокурору СССР явно приглянулся Н. Розовский, который уже добрый десяток лет ходил в бессменных замах Главного военного прокурора, приспособился ладить с начальством, был послушен и исполнителен. Тем не менее назначили его на высшую руководящую должность в военной прокуратуре не сразу. Ему предоставили возможность сначала проявить свои способности в качестве временно исполняющего обязанности Главного военного прокурора, установили своего рода испытательный срок.

Розовский оказался перед непростым выбором: остаться верным линии своих предшественников и продолжить интересы единой социалистической законности, независимой ни от местных, ни от ведомственных влияний, партийных и административных указок сверху, или отрешиться от всего этого, стать исправным исполнителем воли тех людей, от которых зависело его спокойное пребывание на вершине прокурорской власти.

В архивах Главной военной прокуратуры сохранилась любопытная переписка, обнажающая суть «дипломатии» Розовского в период, предшествовавший его назначению на должность Главного военного прокурора. В январе 1936 года военный прокурор Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии В.И. Малкис представил на имя Розовского докладную записку о невыполнении начальником домзака (так тогда назывались следственные тюрьмы НКВД) требования военного прокурора об освобождении из-под стражи арестованного, на которого он прекратил уголовное дело. В документе поднимался принципиальный вопрос о необходимости директивного разъяснения по поводу неправомерности действий тюремной администрации, незаконно отказывавшейся выполнять требования прокурора.

Как должен был поступить Розовский? Принять все меры для пресечения самоуправства ретивого начальника домзака, тем более что подобное пренебрежение сотрудников НКВД к распоряжениям военных прокуроров становилось все более массовым явлением. Но подобная принципиальность наверняка вызвала бы негативную реакцию со стороны руководства НКВД, и портить отношения даже с уже обреченным Ягодой Розовский не собирался. Он поступил проще – уклонился от прямого ответа вообще, поручив это сделать своему помощнику Я.И. Козаринскому. И тот сочинил в своем роде уникальный по своей бессмысленности документ:

«Направление постановления прокурора об освобождении арестованных установлено через аппарат НКВД, и действия начальника домзака являлись правильными. Вместе с тем, органы НКВД, получив решение прокурора об освобождении граждан, обязаны немедленно его реализовать». Примечательно, что напечатанная перед словом «правильными» частица «не» зачеркнута подписавшим, так как это абсолютно ничего не меняло в чиновничьей бессмыслице.

Малкиса подобная невразумительная отписка удовлетворить, конечно, не могла. Он направил Розовскому новый запрос с пометкой «лично»: «Из ответа я не понял, имеем ли мы право освобождать арестованных, числящихся за нами. Вправе ли НКВД задерживать освобождение арестованного?»

И опять Розовский уклонился от ответа. Лишь в августе 1936 года – спустя целых семь месяцев после поступления в Москву первичного запроса – четкое разъясне-

---

*Окончание. Начало в четырнадцатом томе «Федерального справочника».

ние Малкису дал Л.М. Субоцкий, оставшийся за убывшего в отпуск Главного военного прокурора. Он указал, что по прекращении уголовного дела военным прокурором его требование об освобождении арестованных подлежит немедленному выполнению. Упреждая события, замечу, что принципиальность Малкиса и Субоцкого не прошла бесследно и им очень скоро ее припомнили.

Что же до Розовского, то, заняв кресло Главного военного прокурора, он начал со строгого предупреждения подчиненных: «Обстановка ожесточенной классовой борьбы в стране требует от всех органов пролетарской диктатуры максимальной большевистской бдительности, непримиримости к врагам, умения вовремя вскрывать самые замаскированные формы сопротивления классового врага и его агентуры. Этим умением, прежде всего, определяется качество каждого военно-прокурорского органа». Это уже директива. Если до сих пор деятельность прокурора оценивалась по тому, насколько последовательно и принципиально он отстаивал законность, защищал права людей, то теперь главным критерием провоглашалось умение вскрывать сопротивление классового врага. Отвергались любые инициативы подчиненных воспрепятствовать нараставшему разгулу произвола.

Военный прокурор Киевского военного округа внес предложение войти с ходатайством к наркому НКВД о предоставлении обвиняемым права знакомиться с материалами дел перед направлением их на рассмотрение особых совещаний, чтобы они знали хотя бы, что конкретно им вменяется в вину и какие против них собраны доказательства. Со стороны Главного военного прокурора никакой реакции не последовало.

Вскоре появился на свет подписанный Ульрихом и Розовским приказ всем председателям военных трибуналов и военным прокурорам «вести беспощадную борьбу со всякого рода предателями Родины, не допускать при вынесении приговоров недооценки социальной опасности преступлений».

Для услужливых исполнителей открылось широкое поле деятельности. К категории государственных преступлений относились не только противоправные действия, но и элементарное инакомыслие. Из-за неопределенности формулировок закон позволял расширительно трактовать понятия антисоветской агитации, пропаганды, распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Словом, арестованным можно оказаться, рассказав (или даже послушав, но не заявив о том) заурядный анекдот с политическим подтекстом.

Прежний Главный военный прокурор и в такой обстановке требовал от подчиненных мотивировать каждый случай прокурорского согласия на предание суду, делать выводы о виновности только на основании законно установленных следствием доказательств. Теперь требовалось совершенно другое. Соотношение сил на внутриполитической арене страны изменилось явно не в пользу сторонников действительно народного (правового – по нынешним понятиям) государства, каковым оно было провозглашено в 1917 году. Администрирование, бюрократизм, приказ, нажим, психологическое насилие становились главенствующими приемами проведения в жизнь директивных установок сверху.

Тем не менее отдельные прокуроры из числа единомышленников Орловского не сдавались. Уже не рассчитывая на поддержку из центра, военный прокурор Киевского округа Перфильев в марте 1936 года направил подчиненным свои собственные указания: «Нужно положить конец недостаточно серьезному отношению к вопросам ареста. До сих пор мы встречаемся со взглядами работников НКВД «на всякий случай арестовывать –легче будет разбираться». Военные прокуроры не дают решительного отпора этим настроениям, недостаточно требовательно относятся к обоснованию представлений об аресте. Руководство следствием должно выражаться в обеспечении всестороннего и объективного расследования. Нужно вести решительную борьбу с тенденциями работников НКВД добиваться только личного признания обвиняемых и переоценивать значение его как доказательства вины привлеченных».

Копию документа прокурор округа переслал в Москву. Это было похоже уже на подкоп против самого Вышинского – крестного отца теории, провозглашавшей личное признание обвиняемого «царицей» всех доказательств.

Тревожный сигнал поступил из Белорусского военного округа от военного прокурора Н.М. Малютина: «Мы не справляемся, что-то делается неправильно, массовые аресты так бесследно не проходят, считаю, что здесь имеются нарушения революционной законности. Мы, как военная прокуратура, реально ничего сделать не можем».

Эта докладная Малютина скорее напоминает призыв о неотложной помощи. Но вместо нее из Москвы идет телеграмма, больше похожая на откровенный окрик: «НКВД разберется, нечего особенно влезать в это дело».

Главный военный прокурор оказался между двух огней. Он отчетливо видел, как подмяли прокурорский надзор, как он повсеместно свертывается. Одновременно идет процесс насаждения беззакония. В глубине души Розовский сознавал и боялся, что когда-то спросят и с него, как это сделали уже с бывшим Прокурором СССР Акуловым, с наркомом внутренних дел Г. Ягодой. И ему придется отвечать, почему не противодействовал беззакониям. Страх перед все более набиравшим силу НКВД был сильнее. А потому он предпочел продолжать полную неопределенности дипломатию, суть которой представлена в одном из очередных руководящих указаний, отправленных всем военным прокурорам страны: «Прокурор вправе участвовать в допросах любых обвиняемых по делам, расследуемым в органах НКВД. Однако по делам о контрреволюционных, троцкистских, правых и других организаций нецелесообразно прокурору вмешиваться в допросы, когда это не вызывается необходимостью». Получается, вроде бы и нужно вмешиваться, но лучше этого не делать.

Явное раздражение вызвало у Розовского «своеволие» прокурора Уральского военного округа, без согласования с ним потребовавшего от следственных органов местного управления НКВД представления

«политической характеристики на обвиняемых при обращении за санкцией на арест». В циркулярном письме, разосланном в январе 1937 года всем военным прокурорам РККА, такая позиция строго осуждалась и расценивалась как необоснованная задержка ареста.

Примерно в то же время Военная коллегия Верховного Суда СССР скорректировала практику назначения уголовных наказаний за преступления в сторону ужесточения их карательного воздействия. И тут же по поручению руководителя Главной военной прокуратуры был вынесен ряд протестов на вступившие в законную силу приговоры военных трибуналов по мотивам мягкости наказаний, назначенных осужденным.

Что это за дела? Вот одно из них.

Житель города Тамбова Тараник, находившийся в состоянии опьянения, в разговорах с соседями по вагону нелицеприятно отозвался о Сталине и заявил, что при случае, пожалуй, мог бы даже его убить. Попутно он обвинил великого вождя во всех бедах, свалившихся на многострадальную деревню. Тараника взяли прямо в поезде, усмотрев в болтовне простого деревенского мужика террористические намерения. Военный трибунал Московского военного округа осудил его на 7 лет. Главная военная прокуратура опротестовала приговор, как чрезмерно мягкий, не соответствующий тяжести преступления. Рядовое, заурядное по своей фабуле и обстоятельствам дело стало предметом рассмотрения Военной коллегии Верховного Суда под председательством самого Василия Ульриха. Протест был удовлетворен, и, отменяя приговор, прежнее наказание признано «явно не соответствующим опасности преступных намерений Тараника». Дело направили на новое судебное рассмотрение для назначения более строгого наказания. Но этим Ульрих не ограничился. В адрес председателя военного трибунала, вынесшего первый приговор Таранику, было направлено частное определение. В этом документе, который подписал Ульрих и который был разослан в назидание председателям всех военных трибуналов СССР, незадачливому подписанту приговора официально указывалось на «допущенную политическую ошибку». Так что рассуждения о независимости судей военных трибуналов, об их внутреннем убеждении, самостоятельности решения вопросов виновности в совершении преступлений и определении меры наказания теперь остались где-то в области абстрактного теоретизирования.

В самом начале 1937 года Розовский направил всем военным прокурорам указание пересмотреть «прекращенные в 1935–1936 годах уголовные дела об авариях, катастрофах и других происшествиях под углом зрения наличия вредительства и диверсий». Спустя 10 месяцев из Москвы исходит еще одна директива по тому же вопросу с обвинением подчиненных в неисполнительности: «...пересмотренных дел оказались единицы, а их должно быть безусловно больше». Тут же содержалось повторное предписание еще раз пересмотреть их, а также «и все дела, прекращенные бывшими (читай репрессированными) военными прокурорами, которые попали к этому времени в разряд «врагов народа».

В самом начале 1937 года Розовскому пришла под грифом «секретно» докладная записка за подписью военного прокурора Московского военного округа Ю. Бермана и председателя военного трибунала округа Л. Плавнека. В ней перечислялись многочисленные факты нарушения законности, применения неправомерных методов ведения следствия и фальсификации дел работниками НКВД Московской области, указывались случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности, ставился вопрос о необходимости срочного реагирования на беззакония.

Столь серьезный документ, да еще засвидетельствованный подписями столь высоких руководителей военной прокуратуры и трибунала, требовал своего рассмотрения, по крайней мере тем должностным лицом, которому был адресован, то есть Главным военным прокурором. Розовский оказался в двусмысленном положении: надо либо сообщать о беззакониях в вышестоящую инстанцию – Прокурору СССР Вышинскому, либо мотивированно объяснить авторам документа несостоятельность поставленных вопросов. И то и другое Розовский посчитал для себя нежелательным, а потому в свойственном ему бюрократическом стиле решил использовать третий вариант, освобождавший его от необходимости принимать решение. Докладная оказалась на столе начальника следственной части особого отдела Московского военного округа майора безопасности Столярова с резолюцией Главного военного прокурора: «Учесть при следствии».

Возникает резонный вопрос: почему у него? Ведь в докладной указывалось о нарушениях законности в деятельности территориального управления НКВД, а документ попал в следственную часть особого отдела военного округа – подразделений, никак между собой не связанных. Одно занималось людьми сугубо гражданскими, другое – военными. И потом, о каком следствии идет речь, против кого, по какому уголовному делу и в связи с каким преступлением? Может быть, Берман и Плавнек к тому времени уже были намечены для расправы, а докладную рекомендовалось использовать в качестве вещественного, или, точнее, документального, доказательства их «враждебной» деятельности?

Не стоит гадать относительно возможных ответов на поставленные вопросы. Столяров все понял: для органов такие бумаги представляют собой самый элементарный донос. Главный военный прокурор столь откровенной подачей компромата на своего подчиненного умывает руки, отдает и Бермана, и Плавнека на заклание и уходит от любых возможных претензий к себе со стороны органов НКВД. Участь военного прокурора округа и председателя военного трибунала была предрешена. Правда, их осудят и расстреляют с небольшим интервалом по времени.

То был знаменательный момент во взаимоотношениях органов государственной безопасности НКВД, военных трибуналов и прокурорского надзора. В свое время нарком внутренних дел Ягода, опасаясь недовольства высшего комсостава Красной Армии и противодействия военной прокуратуры, не посмел решиться протянуть свои щупальца к армии, ее командованию –наиболее организованной структуре государства. Но во второй половине 30-х годов в среде высшего военного командования произошло резкое размежевание во взглядах на дальнейшее развитие вооруженных сил и расстановку в высшей военной иерархии между выходцами из Первой конной армии (Буденный, Ворошилов, Кулик, Щаденко), занявшими все

руководящие должности, и новой волной военачальников-интеллектуалов, занимавших второстепенные посты (Егоров, Тухачевский, Примаков, Якир, Корк, Путна и др.). Преимущество первых заключалось в главном – они входили в окружение Сталина, а потому всегда имели возможность любые претензии к армии свалить на происки вторых и перенести все недовольство вождя на них. Воспользовавшись таким раскладом, новый нарком внутренних дел Ежов решил не упустить шанса, чтобы под удобным предлогом ниспровергнуть авторитет военных, к которым Сталин питал определенную слабость, и раз и навсегда утвердить безраздельное господство НКВД в государстве. Попутно появилась возможность под предлогом устранения возможных конкурентов Сталина на посту руководителя партии и государства ликвидировать из его окружения наиболее авторитетных людей, претендовавших на более значимую роль в сравнении с ним – Ежовым. Перед ним стоял пример предшественника Ягоды, который на столь опасную игру не отважился и теперь пожинал горькие плоды своей нерешительности.

Об энергичности намерений Ежова указывает тот факт, что новый нарком внутренних дел посчитал необходимым лично допросить заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа В. Примакова, арестованного по обвинению к принадлежности к троцкистской оппозиции. После этого допроса появились первые, пока еще достаточно неопределенные сведения о наличии троцкистского центра в Красной Армии. Вскоре последовал арест комкора Путны. Благодаря усилиям следователей версия о заговоре среди военных, нацелившихся якобы на захват власти в стране, начала приобретать реальные очертания.

Скоро в поле зрения Ежова попал бывший начальник управления противовоздушной обороны РККА М. Медведев, исключенный из партии, снятый с командных постов и уволенный из армии за «притупление классовой бдительности». Работал он после отставки начальником строительства небольшой больницы на Западной железной дороге, там и был арестован. Расчет Ежова строился на том, что против находящегося в опале Медведева можно безбоязненно применять любые способы и методы выколачивания нужных показаний для обвинения высоких военачальников, с которыми он общался по службе и которые продолжали оставаться на высоких командных должностях. Нарком внутренних дел потребовал от подчиненных не стесняться и любыми путями добиться от Медведева показаний о существовании заговора в армии. Угрозы и насилие привели к желаемому результату: в протоколах допросов появились фамилии Примакова, Путны, Тухачевского, Якира, Корка. Причем Тухачевский фигурировал как наиболее вероятный претендент в диктаторы государства.

Ежов представил показания Медведева в ЦК ВКП(б), откуда ему было дано долгожданное добро на разоблачение контрреволюционного заговора. Обратной дороги уже не было, и Ежов понимал, что за неудачу в подобного рода авантюрах придется поплатиться собственной жизнью. Впрочем, риск был сведен к минимуму. Во-первых, подчиненные Ежова четко усвоили поставленные перед ними цели и задачи и тоже прекрасно сознавали, чем чреват для них какой-либо иной исход. Ну а потом, версия Ежова хорошо вписывалась в тезис Сталина о новом этапе обострения классовой борьбы, подкрепляя ее «фактами» враждебной партии и социализму деятельности. И где?! В святая святых любого государства – в армии. Военные – люди опасные. Слишком много раз в истории они возглавляли государственные перевороты.

Дальше пошла цепная реакция. Репрессии обрушились на военных прокуроров, которые пусть и разрозненно, но все же препятствуют развертыванию широкомасштабной кампании борьбы с «врагами народа». Вслед за арестом военного прокурора Московского военного округа Бермана инициируются доносы на прокурора военных округов Е. Перфильева, Н. Кузнецова, Н. Малкиса, Г. Суслова, Р. Романовского, военного прокурора Черноморского флота П. Войтеко... Борцы с беззакониями сами оказались жертвами репрессий.

После расстрела видных военачальников Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны боевитость партийных органов, а также политические и профессиональные качества, организаторские способности руководящих работников оценивались по количеству разоблаченных «врагов народа». Происходило что-то вроде столь любимого в ту пору «социалистического соревнования», когда сотрудники НКВД, следователи, прокуроры и судьи военных трибуналов добывали и обеспечивали доказательства верности сталинского тезиса об обострении классовой борьбы, враждебного воздействия капиталистического окружения, засылки оттуда разного рода вредителей, шпионов, диверсантов и террористов. Их искали и могли увидеть в каждом человеке, на свою беду попавшем в поле зрения органов или просто по самому примитивному доносу. Доносили даже свои на своих.

Так, поводом для ареста военного прокурора Ленинградского военного округа Н.М. Кузнецова стало заявление его коллеги – помощника военного прокурора Забайкальского округа военного юриста 1 ранга Бескоровайного:

«Будучи на отдыхе в г. Сочи в ноябре месяце 1936 года, я встретил командира 33-й пулеметно-стрелковой бригады 7-го мотомеханизированного корпуса полковника Халкинда. При разговоре он сообщил, что, будучи в гостях у комдива ММК Бакши, который проживает в одном доме с военным прокурором ЛВО т. Кузнецовым по ул. Халтурина в г. Ленинграде, вышел в коридор погулять и увидел, что к дому подъехала машина, из которой вышел Тухачевский и направился на квартиру к ВП т. Кузнецову, где Тухачевского встретила жена Кузнецова. Не знаю отношений между Тухачевским и Кузнецовым, но исходя из того, что Тухачевский оказался врагом народа, расстрелян по приговору ВК (Военной коллегии) Верховного Суда СССР, потому считаю, что об изложенном необходимо донести до сведения ГВП РККА. 26 июня 1937 года. г. Чита»[1].

[1] Архив ГВП. Надзорное производство №2524037.

Автор подметного письма мог не сомневаться – его «сигнал» поступит куда надо и его «бдительность» будет оценена достойно, поскольку предусмотрительно оформил заявление грифом «секретно», с коим документы не пропадают, да и широкой гласности не предаются. Примечательная деталь: Бескоровайный адресовал письмо прокурору Забайкальского военного округа, поставив того в сложное положение. До назначения на должность Суслов являлся заместителем Кузнецова в Ленинграде, учился у него принципиальности и твердости в отстаивании интересов законности, глубоко уважал своего учителя и бывшего начальника. И вот у него в руках официальный секретный документ, в котором Кузнецов обвиняется «в преступной связи с врагом народа Тухачевским». Он обязан дать ему ход. Но Суслов поступает иначе. Сознавая, что Бескоровайный бдительно следит за развитием событий и в случае чего «просигнализирует» органам и на него, дабы самому занять руководящее прокурорское кресло, военный прокурор округа переправляет заявление в Главную военную прокуратуру, надеясь, что там смогут оградить Кузнецова от необоснованных обвинений. Опасения эти были вовсе не беспочвенны, вокруг Суслова плелись интриги, и очень скоро он сам окажется в ежовских застенках, ему припишут обвинение в воспрепятствовании разоблачению врагов народа и расстреляют. Расчеты Суслова не оправдались. Когда заявление на Кузнецова поступило в Москву, Главный военный прокурор Розовский по какой-то причине отсутствовал. Его заместитель Гродко осложнять себе жизнь не пожелал, но и брать ответственность за решение вопроса не стал. Он просто избавился от неприятной бумаги и отослал заявление Бескоровайного в политическое управление Ленинградского военного округа, а оттуда – в НКВД. Заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Шапиро своей резолюцией дает указание подчиненным: «Подсуммируйте все наши материалы и немедленно поставьте вопрос об аресте Кузнецова. Учтите его связи с Тухачевским и прошлые материалы».

Похоже, в НКВД с самого начала внимательно наблюдали за происходящим. Попытка Главной военной прокуратуры занять нейтральную позицию не отвечала намеченному замыслу и незамеченной не осталась. 31 августа 1937 года комиссар госбезопасности 3 ранга Николаев, возглавлявший одно из подразделений НКВД СССР, подписал справку об истребовании ареста, в которой указывалось: «Кузнецов является участником антисоветской организации, возглавляемой Тухачевским и Гамарником, ставившей своей задачей насильственное свержение Советской власти. Кузнецов лично связан с руководителями заговора и ведет в Ленинграде большую подпольную работу по армии…» Минуя нерешительную Главную военную прокуратуру, НКВД выходит прямо на Прокурора СССР Вышинского, который, прочитав такую информацию, лично сам дает санкцию на арест. Спрашивается, чем же не угодил военный прокурор органам? Позднее в откровениях одного из следователей НКВД содержались следующие слова: «Арест прокурора Кузнецова был вызван тем, что в момент развертывания массовой операции он критически подходил к даче санкций на арест, так как аресты часто были недостаточно обоснованными». Военная коллегия Верховного Суда приговорила Кузнецова к 15 годам лишения свободы. Мера наказания не удовлетворила органы, и, по свидетельству бывшего сотрудника Ленинградского управления НКВД Крысина, «Шапиро с негодованием реагировал на то, что Кузнецов осужден к тюремному заключению, а не к расстрелу».[2]

Доходило до абсурда. В одном из канцелярских дел на глаза попалась просто поразительная по своей доносительской сути записка, адресованная начальнику 2-го отдела Главной военной прокуратуры диввоенюристу Козаринскому: «Сию минуту я случайно узнал, что арестованные иностранцы Брайнины, проходившие по делу троцкистов-шпионов, являются родственниками бригвоенюриста Брайнина. Прокурор ГВП военный юрист 1 ранга (фамилия неразборчива). 27.04.37 г. 14 час. 35 мин.». На записке сделана не менее красноречивая резолюция: «Уже минут 15 назад мне доложили».

Случаи, когда донос не получал хода, единичны. Чем это объяснялось? Карьеристскими побуждениями, местью, подлостью или коварным интриганством? Очевидно, присутствовало все сразу. Очевидно, было и другое – стремление обезопасить самого себя от преследования за недоносительство, упредить вероятного доносчика и тем самым заслужить благосклонность органов за проявленную «бдительность».

По доносу в застенках НКВД оказался помощник Главного военного прокурора по надзору за законностью Субоцкий. Его аресту предшествовало примечательное обстоятельство. В мае 1937 года Вышинский обязал Субоцкого участвовать вместе с ним в последних допросах Тухачевского и других «заговорщиков» по так называемому делу военных. То был далеко не первый случай, когда Вышинский наглядно демонстрировал несговорчивым прокурорам, какая их ждет участь, если они не изменят своих взглядов. Субоцкий это указание Прокурора СССР выполнил. Следующим поручением Вышинский обязал Субоцкого присутствовать на приведении в исполнение смертных приговоров осужденным по этому делу, от выполнения которого он уклонился.

Надо признать, отказывались далеко не все. В надзорном производстве одного из руководителей Прокуратуры СССР М. Острогорского есть документ о том, как помощник Вышинского Г.Н. Рогинский присутствовал с заместителем Ежова М. Фриновским при расстреле И. Акулова, бывшего заместителя председателя ОГПУ, затем Прокурора СССР и секретаря ЦИК СССР. В деле Акулова нет никаких доказательств вины в совершении вменявшихся ему преступлений, кроме двух протоколов допросов с его собственными признаниями. В суде Акулов от них отказался, заявив, что его признания – вынужденные и были сделаны «в состоянии потери воли». Рогинский и сам говорил, что «далеко не уверен в действительной виновности Акулова и всегда считал его хорошим большевиком».

[2] Архив ГВП. Надзорное производство № 2524-37.

Вот оно – откровение, не требующее никаких комментариев, если сам прокурор, осуществляющий надзор и присутствующий на расстреле человека, не верит в его виновность. В чем же тогда дело? А в том, как указывал потом Рогинский, что он «не был спокоен за себя и потому делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой и доверием со стороны руководства НКВД».

В 1937 году нарком обороны К.Е. Ворошилов в разговоре со своим сослуживцем по Гражданской войне Е. А. Щаденко, занимавшим теперь пост начальника Главного управления кадров Красной Армии, поделился с ним, как однажды, после приема лекарства, назначенного ему бригврачом С.Г. Филипповичем, он почувствовал недомогание. Щаденко немедленно проинформировал об этом НКВД, попутно сообщив: «Филиппович был близок к врагам народа Гамарнику, Фельдману, Уборевичу, Тухачевскому, которых посещал на дому как лечащий врач». Присовокупив к сему дворянское происхождение и заграничные командировки, Филипповича арестовали, обвинили в террористической деятельности, полгода продержали в Бутырской тюрьме, а затем решением Особого совещания при НКВД признали участником антисоветского заговора и отправили на 8 лет в Сороклаг на Шуйостров. Обращения осужденного за защитой к Ворошилову, Буденному, Щаденко и другим высокопоставленным пациентам, успешно лечившимся у доктора Филипповича все предшествующие годы, оказались напрасными.

А как относились ко всему происходящему прокуратура страны и ее руководители? Что касается Вышинского, то его участие в репрессиях известно достаточно широко. По словам бывшего наркома внутренних дел Ежова, арестованного и осужденного по многочисленным обвинениям, в том числе в фальсификации материалов уголовных дел и нарушениях законности, «Прокуратура не могла, конечно, не заметить этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР и, в частности, Прокурора СССР Вышинского я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительстве...»[3]. Ежов был осужден и расстрелян.

Такая же участь постигла и бывших его заместителей М.П. Фриновского и С.Б. Жуковского. За грубые извращения следственной работы, применение к арестованным незаконных методов получения показаний были осуждены сотни сотрудников НКВД. Создается впечатление, что Сталин и его ближайшее окружение решили применить эффект встречного пала, когда на пути лавины огня (репрессии) встает не менее мощная встречная лавина.

Не был спокоен за себя и Главный военный прокурор Розовский. Вряд ли он действительно верил в то, что со всех сторон окружен врагами народа, но тем не менее в своих директивах писал: «Известно, что в органы прокуратуры проникли враги народа, изменники Родины малкисы, сусловы, романовские и тому подобная контрреволюционная сволочь. Задача заключается в том, чтобы выкорчевать из военной прокуратуры и уничтожить это фашистское отребье без остатка».[4]

Это уже похоже на истерику, хотя здесь приведены строки из официального приказа Главного военного прокурора. Сволочами названы те, кто не мирился с произволом – наиболее принципиальные военные прокуроры округов. Всем им вменялась в вину «подрывная работа в области судебно-прокурорской деятельности – прекращение дел по контрреволюционным преступлениям». Для обвинения военных прокуроров не требовалось даже трудиться над фабрикацией материалов или применять к ним силу для выколачивания признаний в несуществующих грехах. Достаточно перечислить несколько случаев их отказа в даче санкций на аресты, привести несколько случаев отказа в даче санкции на арест или прекращенных ими дел в отношении лиц, впоследствии осужденных военными трибуналами как «враги народа».

В качестве примера можно привести несколько моментов из архивного уголовного дела в отношении одного из тех, кто упомянут нарицательным именем в приказе Розовского, – прокурора Отдельной Дальневосточной армии В.И. Малкиса. Следователь Особого отдела Управления государственной безопасности НКВД Ревенский, расследовавший дело Малкиса, впоследствии признался: «Протокол допроса я писал со слов Малкиса и после написания его на 38 страницах передал Хорошилкину. Наник прокорректировал этот протокол на свой лад, 10 страниц переписал, изменив их так, что в них ни слова Малкиса не осталось. В этом протоколе Хорошилкин связал Малкиса с Барминским и другими лицами, как заговорщиками, то есть организовал террористические группы, вписал в протокол более 40 человек».

Рискуя собственной жизнью, Малкис спас от неправедной расправы десятки человек. «Я не мог выполнить ряд установок сверху, так как в трибунал почти не поступало ни одного дела, – оправдывался на одном из допросов председатель военного трибунала Дальневосточной армии диввоенюрист Б.П. Платонов. – Они ликвидировались военным прокурором Малкисом либо по его указаниям».

Яснее не скажешь. Получается, что военный прокурор буквально парализовал военный трибунал, оставил председателя без работы и того обвинили в попустительстве «врагам народа». Но и самому Малкису пришлось дорого заплатить за свою принципиальность: его осудили на 20 лет лишения свободы.

Не смирившись с необоснованным осуждением, Малкис написал письмо Сталину, в котором говорилось: «Уже три года нахожусь в заключении, не совершив никаких преступлений, всецело преданный партии и Советской власти, не имея даже в помыслах какое бы то ни было выступление против нашей Родины. Я не прошу верить мне на слово, а прошу только одного –подлинно объективного расследования по моему делу».

Объективное расследование, о котором просил Малкис, состоялось только в 1955 году, и его реабилитировали. Вскоре после освобождения Малкис умер...[5]

---

[3] См. Книга «Прокуроры». М. 1998 год. С. 87.

[4] Архивы ГВП. Наряд с приказами и директивами за 1937–1938 годы.

[5] Архив ГВП. Дело №14013-38с.

Не менее трудный путь выпало пройти заместителю военного прокурора пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского военного округа М.М. Ишову. Он представил в Главную военную прокуратуру обширный доклад о системе злоупотреблений начальника Новосибирского областного управления внутренних дел Мальцева, поставил вопрос о его немедленном снятии с занимаемой должности за произвол и беззакония и направлении в Новосибирск специальной комиссии НКВД и Прокуратуры СССР для проверки деятельности областного УНКВД. Не решившись замять назревавший скандал, Главный военный прокурор Розовский представил Ишова самому Вышинскому. Прокурор Союза устроил непонятливому периферийному законнику разнос, отчитал его за утрату «классового чутья» и выпроводил. Вскоре Ишова отстранили от должности, арестовали и он оказался в руках подчиненных Мальцева – того самого, о ком докладывал прокурор. Ишову приписали несколько пунктов 58-й статьи, для осуждения предпочли даже не связываться с военным трибуналом, а пропустили через особое совещание и отправили в лагеря «без права переписки», где он и умер.

Павел Иванович Павловский описывал (текст оригинала сохранен. – *Авт.)*: «В ночь на 20 февраля я был вызван к сержанту Варенову, который в присутствии практиканта Смирнова избивал меня всю ночь руками по лицу, резиновой пластиной (ребром) по голове и шее (область сонной артерии), резиновой дубинкой по туловищу и ягодицам. Сержант Варенов требовал, чтобы я написал заявление на имя Лаврушина, в котором чистосердечно раскаялся в своей к/р (контрреволюционной) деятельности. Т.к. я никогда подобной деятельностью не занимался, то я отказался. 1 и 2 марта я был вызван к тому же Варенову и в течение четырех суток простоял на «стойке», а в ночь на 5 и 6 марта я был отправлен в карцер, где просидел 15 суток, будучи доведен до обмороков. Прямо из карцера я был вызван к следователю, где должен был рассказать (стоя) о своем участии в так называемой внутриармейской оппозиции 1928 г.»[6].

Что происходило в 1928 году, мы уже знаем. Тогда Павловский на служебном совещании публично критиковал Ульриха, предупреждал о его пристрастии к обвинительному уклону при рассмотрении уголовных дел и ставил вопрос об освобождении того от должности Председателя Военной коллегии. Ульрих не простил Павловскому того, что тот много лет назад разглядел в нем палача в судейской мантии.

Сегодня мы называем их поведение гражданским подвигом. Розовский то же самое считал подрывной работой. Для Романовского, Малкиса, Суслова непримиримость к беззакониям была нравственной нормой, для Розовского стала проявлением контрреволюционной деятельности, препятствием к разоблачению врагов народа. За это он получал от власти награды и почести.

Архивные документы Главной военной прокуратуры сохранили и оправдание Розовским необходимости выколачивания нужных показаний от людей, арестованных по доносам и оговорам в совершении преступлений. В информационном письме от 2 ноября 1937 года Главный военный прокурор разъяснял подчиненным: «Признание нам нужно главным образом для того, чтобы раскрыть вредительскую контрреволюционную организацию, чтобы добраться до всех участников организации, чтобы с корнем ее вырвать и ликвидировать».

Объективности ради необходимо заметить: то была беда и вина не одного Розовского. Аппарату Главной военной прокуратуры сверху было дано указание: поступающие жалобы от арестованных и членов их семей на необоснованные аресты, незаконные методы ведения следствия не рассматривать и не проверять. А то, что за каждой такой жалобой была чья-то загубленная жизнь, исковерканная человеческая судьба, горе и мытарства близких, – никого не волновало.

На фоне разгула бесправия и беззаконий прямым вызовом справедливости смотрится награждение Розовского в августе 1937 года орденом Красной Звезды. Спустя полгода Вышинский представил его к другой награде – ордену Красного Знамени. Административно-командная система приспособилась ставить одно и то же одним в вину, другим в хвалу – в зависимости от пресловутой целесообразности и своих собственных потребностей. Умела в нужный момент убрать неугодных и находить среди своих «козлов отпущения», например, когда в 1938 году возникла необходимость в смене действующих лиц, так как массовый разгул репрессий принял угрожающие масштабы и процесс грозил стать неуправляемым. И многие вчерашние организаторы произвола сами оказались его жертвами. Бесследно в истории ничто не проходит.

Но очень скоро после этого ситуация изменилась. Была организована проверка деятельности Главной военной прокуратуры. В пространном докладе, составленном по результатам проверки, указывалось: «Практически работа аппарата и руководства периферией доведена до развала. Злободневные сигналы с мест о неблагополучии в судебно-следственном надзоре по спецделам оставались без ответа, без реагирования, не доводились Розовским до сведения директивных органов и руководящих партийных органов. Розовский дал антипартийные и антисоветские установки, устранил периферийные прокуратуры от надзора за следствием по делам, находящимся в производстве НКВД, равно как и в вопросах дачи санкций на аресты, предложил не мешать производству арестов. В расстановке и подготовке кадров преобладал деляческий подход».[7] Розовский был осужден и умер в бесчисленных бериевских лагерях. Он сам лично никого не арестовывал, не применял незаконных методов следствия, не приговаривал невиновных к смерти. Чтобы стать угодным системе силовой, репрессивной власти, вовсе не обязательно самому совершать все вышеперечисленное. Достаточно просто не противодействовать, свернуть прокурорский надзор, отвратить от него подчиненных и тем самым способствовать развалу всей системы действия права в государстве. Когда для удержания власти становятся приемлемыми любые средства, попирается закон, человеческая мораль, представления о порядочности и честности, становятся нужны ягоды,

[6] Архив ГВП. Надзорное производство по делу Павловского.

[7] Архив ГВП. Надзорное производство №8573.

вышинские, ежовы, ульрихи, розовские. Надобность от них отпадает, едва они исполнят отведенные им роли.

В результате нарушений законности по существу оказалось свернутым правосудие как таковое. Процедура применения репрессий не имела ничего общего с судом, от которого осталось только название. То же самое можно сказать и по адресу служителей Фемиды, если это слово вообще применимо к тем, кто осуждал на смерть невинных людей, никогда не совершавших никаких преступлений.

Полный паралич наступил в начале сороковых годов, свидетельством чему может служить последний эпизод нашего повествования.

Но и противодействовать беззакониям уже никто не пытался. Всевластие НКВД не знало границ. Не суд, даже если он и называется Верховным Судом СССР, а Лаврентий Берия приговаривал, кого казнить, а кого... Впрочем, документы говорят лучше самых квалифицированных комментаторов.

Вот они:

«Совершенно секретно
Государственный Комитет обороны
Товарищу Сталину

В связи с военными действиями между СССР и Германией некоторая –наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы.

Представляя при этом список 170 заключенных, разновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания – расстрел.

Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Прошу Ваших указаний
Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия
6 сентября 1941 года.

К документу прилагается список лиц, подлежащих расстрелу.

Тот, кому было адресовано письмо, неторопливо прочитал его, подчеркнул цифру 170 и поставил свою подпись: Сталин.

В тот же день на свет появился второй документ:

«Секретно
Государственный Комитет обороны
Постановление № ГКО-634 сс
От 6 сентября 1941 года. Москва. Кремль.

Применить высшую меру наказания – расстрел к 170 заключенным, разновременно осужденным за террористическую, шпионскую деятельность и иную контрреволюционную работу.

Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Председатель Государственного Комитета обороны
И. Сталин».

Возникает резонный вопрос: а зачем поручать рассмотрение дела Военной коллегии, если Берия и ГКО СССР уже все решили. Да и отчитываться за эту акцию, и уж тем более отвечать, никому и никогда не придется.

Оказывается, надо, так как формально все должно быть обставлено по закону. Бюрократическую казуистику решили все же соблюсти. Ведь решение исходит от высших органов и должностных лиц государства. К тому же порядок требует, чтобы действиям «врагов народа» была дана юридическая квалификация. И вот появляется на свет датированный 8 сентября 1941 года Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР, подписанный ее председателем Ульрихом, членами коллегии Кандыбиным и Букановым, согласно которому 161 заключенный (выяснилось, что остальные переведены в другие места заключения) признаны виновными в проведении антисоветской агитации – преступлении, предусмотренном статьей 58–10 части 2 Уголовного кодекса РСФСР, на основании которой они и приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Невероятно, но факт! Обвинительный приговор вынесен по незаконному указанию органа государственной власти. Сказать лишь, что таким образом была решена участь более чем полутора сотен зэков, значит, не сказать ничего. Отметим лишь, что все осужденные входили в Коминтерн и прибыли в Советский Союз из Германии, Италии, Болгарии, Испании, Венгрии, спасаясь от преследования в своих странах за принадлежность к коммунистическому движению. Из наших соотечественников жертвой произвола стала известная революционерка Мария Спиридонова. Большинству из них оставалось отбыть по году-полтора ранее назначенного наказания по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

13 января 1989 года Прокуратурой Союза ССР по факту расстрела заключенных Орловской тюрьмы было возбуждено уголовное дело. Были допрошены сотрудники НКВД СССР, Орловской тюрьмы, осуществлявшие приведение неправосудного приговора в исполнение, – заключенных расстреляли в Медведевском лесу недалеко от Орла. Уголовное дело в отношении Ульриха, Кандыбина и Буканова прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. В обоснование такого решения указано, что эти судьи вынесли обвинительный приговор на основании постановления Государственного Комитета обороны – высшего органа государственной власти СССР.

Такова была административно-командная система в действии. Такими извращениями оборачивается партийно-государственный диктат над судами, зависимость правосудия от тех, кто стоит у кормила власти.

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКРЕТАРИАТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В.А. Бобренев